

Владимир Берелович - русский женевец из Парижа | Wladimir Berelowitch - un Genevois russe et parisien

Author: Габриэль Коттье, [Женева](#) , 07.10.2009.

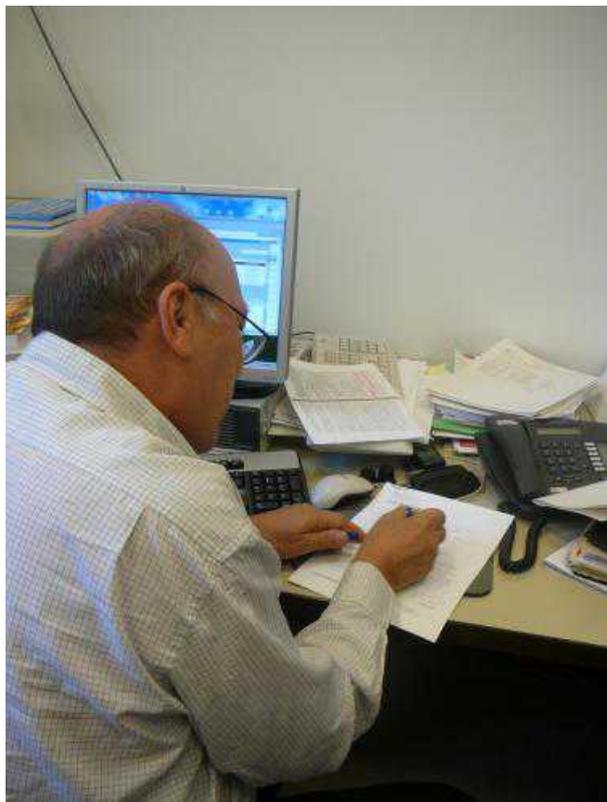

Профессор Берелович в своем кабинете (© Nashagazeta.ch)

Профессор истории на русском отделении Женевского университета рассказал о себе, о работе и об эмиграции.

|
Le professeur Berelowitch a reçu Nasha Gazeta.ch dans son bureau de l'université de Genève. Une fois n'est pas coutume, l'historien parle de lui, de son passé et de son présent. Wladimir Berelowitch - un Genevois russe et parisien

Не так давно Владимир Берелович выступал перед членами Русского кружка, который вот уже более 30 лет существует при Женевском университете, с лекцией об интеллигенции. Сделав подробный и очень интересный, полный исторических и литературных примеров экскурс, он затруднился назвать хотя бы одного живущего российского интеллигента, настолько высоки критерии, предъявляемые им к тем, кто хочет считать себя представителями этой узкой прослойки.

За работой

Владимир Берелович родился в русской эмигрантской семье в послевоенной Франции, в пригороде Парижа. Русский был языком домашнего общения, поэтому он впитал его с детства.

Будущий профессор сначала изучал французскую и русскую литературу, позже стал заниматься историей.

Наша Газета.ch: Профессор, почему Вы перешли от литературы к истории?

Владимир Берелович: Это произошло довольно поздно. Но уже раньше меня больше интересовал не анализ литературы, а именно реальность: то, что вокруг самого текста и то, как пишет писатель. Объясняю: литература осталась для меня интересной областью, но я заметил, что в литературоведении меня больше всего интересует работа, которая, собственно, уже является культурной историей. Например, мне нравится Лотман, только не тот, который занимается семиотикой, а тот, который написал комментарий к «Евгению Онегину» и проанализировал образ декабристов.

Потом я стал заниматься научными исследованиями во Франции, в том числе, в области советской истории. Выбор этого периода был случайным, я просто написал диссертацию на эту тему, и из нее вышла маленькая книжка под названием «Советизация русской школы с 1918 года по 1931 год». Затем я постепенно пошел немного вспять, так сказать, и перешёл к дореволюционному периоду, а именно в 18 и 19 века. И этим занимаюсь уже больше двадцати лет.

Среди всей мировой истории Вы выбрали именно русскую. Было ли это предопределено Вашим происхождением?

Это было не совсем очевидно, просто я перешёл в историю из русистики. Поэтому

мне даже в голову не пришло заниматься историей Испании, например, или какой-то другой страны. Это было бы, кстати, очень трудно, потому что я пришёл «без багажа»: я же не прошёл весь курс исторического факультета. Конечно, меня интересовала российская история и больше всего, вначале, - загадка советского режима, его корней, но потом, как я уже сказал, я обратился к старорежимному периоду.

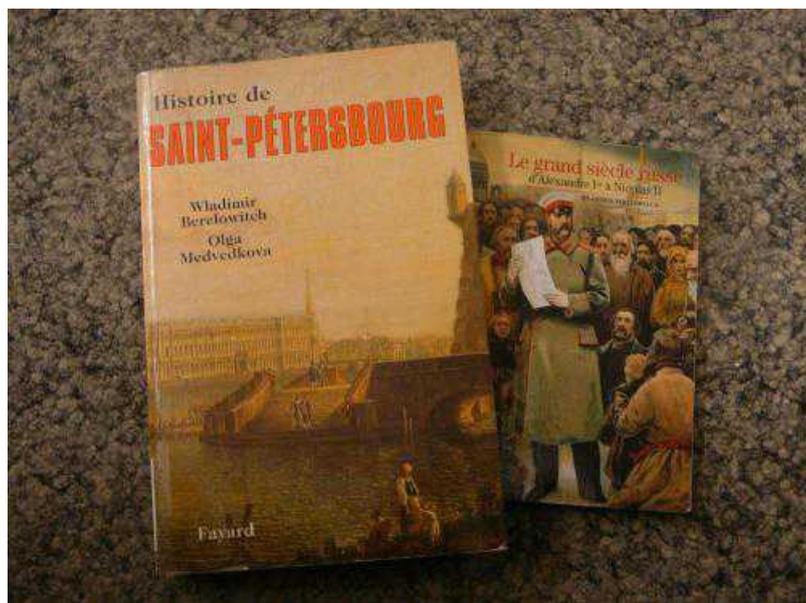
Что Вас интересует в этом периоде?

Меня интересует, во-первых, перенос чужестранных культур на русскую почву, то, как это происходило конкретно. Меня также интересует, как формировались элиты: дворянская с одной стороны и интеллектуальная с другой. Есть еще и другие элиты, которых я не касаюсь или мало касаюсь, как, например, церковная и купеческая.

Я могу добавить, что долго занимался переводами, то есть не сразу и не совсем оставил свои прежние интересы. Приятно вспомнить такие переводы, как «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева, «Облако в штанах» Маяковского, «Дьяволяда» Булгакова и другие ...

Вы представитель известной интеллектуальной семьи, Ваши братья тоже занимаются историей. Это повлияло на Вас?

Конечно. Старший брат, Андрей, сразу начал заниматься историей, а средний, Алексей, занимался все-таки русистикой, хотя постепенно также перешёл к советской истории. Одна из его тем « Интеллигенты 1960-х годов», периода оттепели, но в последнее время он регулярно публикует материалы под общим названием «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ». Разрабатывать эту тему он начал с покойным историком Виктором Петровичем Даниловым, а теперь продолжает с другими коллегами.

Общение и совместная работа с братьями, конечно, на меня влияли, в итоге, мы «поделили» исторические периоды: старший брат заботится о 17 веке, я - о 18 и, отчасти, о 19-м, а средний брат - о 20-м.

То есть история для Вас дело семейное?

Да, можно так сказать, хоть это и не было запланировано. Так уж, как говорят в

России, исторически сложилось.

Ваши родители принадлежали к русской интеллигенции?

Мой отец был юристом, то есть учился на адвоката до революции, но после эмиграции во Францию работать по специальности не мог. А мама училась в Школе восточных языков в Париже, но также не работала по специальности, так что, несмотря на образование, профессиональным интеллигентом она не стала.

Несмотря на расставание с Родиной, родители все-таки передали Вам интерес к России и к русскому языку, к литературе...

Да, это верно. Я, кстати, читал по-русски до того, как стал читать по-французски. Дома говорили почти только по-русски, в частности, из-за того, что отец, хорошо владевший немецким, по-французски говорил с акцентом и с ошибками, и было бы труднее для нас, детей.

Каково было положение русской семьи в эмиграции в то время?

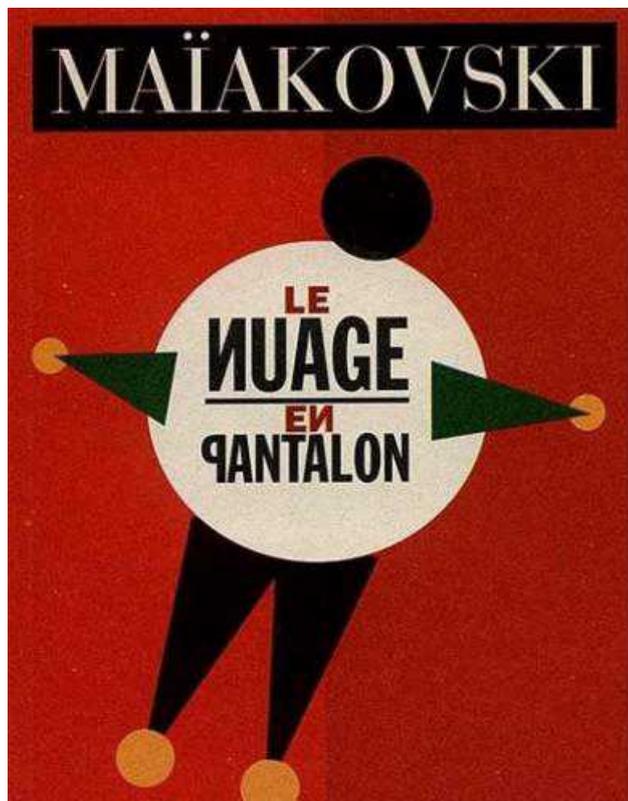
Русская эмиграция более или менее распалась во время войны. По очень разным причинам, но мне кажется, что главная среди них – чисто функциональна: многие русские уехали в Америку, многие погибли в лагерях, политическая составляющая эмиграции почти исчезла. Некоторые приветствовали немецкую оккупацию, другие, как мой отец, участвовали в Сопротивлении: эмигранты были разные.

Во время оккупации, ставшей сильнейшим шоком для всего общества, все старые связи распались. Поэтому после войны произошла очень быстрая и полная ассимиляция, ведь русские пережили то же, что и французы.

Ситуацию до войны я знаю только теоретически, поскольку еще не родился. Мой отец много рассказывал о своих тогдашних знакомствах и о своем участии в разных организациях. После войны его друзья или умерли или уехали, и он мало с кем общался.

Некие связи все-таки удержались в эмигрантской среде, но они были связаны с церковью, и, отчасти, с дворянским происхождением. В нерелигиозных семьях ассимиляция происходила быстрее.

Солидарность между эмигрантами в какой-то мере потерялась, многие учреждения закрылись: до войны существовала гимназия в Париже для русских (там училась моя мама), и даже маленький университет. Русская община была значительной, многим детям нужна была школа.

Маяковский в переводе Береловича
Над чем Вы работаете сейчас?

У меня две темы. Первая – « История русского образования и воспитания в XVIII веке среди элит ». Об этом уже есть немало статей, надеюсь, что книга как-нибудь выйдет.

А вторая тема более новая – установление социальных наук в конце XIX и начале XX века. То есть как история, социология и так далее стали социальными науками в связи с научным миром западной Европы – Германии, Франции и Англии. Тема очень большая, но для меня второстепенная.

Кроме этого, я часто принимаю участие в конференциях. Например, я только что выступил на научном коллоквиум в Санкт-Петербурге на тему «Франкоязычные воспитатели и учителя в Европе 18 и начале 19 веков».

Что Вас привело в Женеву?

Очень просто: Жорж Нива, который был здесь профессором и руководителем русского отделения, захотел создать кафедру русской истории и предложил мне представить мою кандидатуру, что я и сделал. Меня заинтересовало преподавание. Поэтому решил временно быть меньше активным в парижском учреждении «Школа Высших Исследований по Общественным Наукам» (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales), которая, собственно, является институтом, а не университетом, потому что там учатся только аспиранты. Кстати, до этого я уже давал здесь отдельные шестимесячные семинары, так что немного знал кафедру и был чуть-чуть женеvцем.

Каким образом Вам удастся справляться с работой и в Париже, и в Женеве?

У меня в Париже нет реальной работы. Иногда читаю семинар, но там нет настоящих студентов, только два или три аспиранта в год. Руководжу их проектами, но могу это делать и на расстоянии. Значит, если хорошо организовать время, то можно даже

успеть поспать!

Дополнительную информацию о профессоре Владимире Береловиче, а также список его публикаций можно найти [здесь](#).

[Жорж Нива](#)

Source URL:

<https://nashgazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/vladimir-berelovich-russkiy-zhenevec-iz-parizha>